

16+

Данил Казаков

Иван и Мария

Рассказ о двух стариках, проживающих в деревне

Данил Васильевич Казаков

Иван и Мария

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28074262

SelfPub; 2018

Аннотация

Краткие сведения о жизни деревенской пары. Об их неудавшейся попытке перебраться в город. О городской родне, о покосе, об измене хозяина, о весёлых происшествиях, празднике, детях, домашних животных и перестройке.

Содержание

Вчера увели корову	4
Дети	7
Животные	10
Непостоянство Ивана	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вчера увели корову

Красулю увели неделю назад. Пришли какие-то старик со старухой, отдали деньги, накинули на шею петлю из верёвки и повели. Мария проводила их до дороги, до большой осины. Выскочила без платка, без фуфайки, лишь кофту, да сапоги успела надёрнуть. Осенний ветер охлаждал её щёки, растрепал редкие волосы, продувал насквозь тонкую кофточку. Мария торопливо семенила, касаясь одной рукой тёплого бока коровы, сбивчиво напоминала.

– Корова удоистая, молоко жирное, отелиться должна 4 марта. Телится легко, мы с Иваном иной раз бывало и продозорим. Раза три за ночь ходим, и всё нет ничего, а утром я иду кормить, что такое – телёночек лежит, и корова его облизывает.

Марие хотелось подольше побыть со своей Красулей, хотелось похвалить корову в благодарность за молоко, и чтобы новые хозяева её не обижали. Покупателям было не до её сожалений, они торопились до наступления темноты, попасть в свою деревню. Старуха, тепло одетая в сапоги, в фуфайку, в красный, шерстяной платок, сердито тянула за собой корову. Старичок шёл позади, легонько взмахивал прутиком. Про корову они уже слышали и спешили поделиться своими думами.

– Насеновали, так чо корову не купить, – бубнил старик,

ождая от Марии одобрения себе, – сила есть, сколь чо со старухой проворим ещё.

Мария сразу поскучнела, уловив в словах старика упрёк себе, сожаление о своих прежних годах. Они насеновали, у них есть ещё сила, и они вдвоём. А она не сеновала и уже год, как осталась одна.

– Телится хорошо, – повторила Мария тише, робко убирая руку с коровьего бока, – молоко густое. Отстоится в банке, так в три пальца сметаны.

Старуха тянула корову, та послушно шла. Старик снова хвалился, какие они заботливые, трудолюбивые, бережливые: и денег скопили, и сено заготовили. Дошли до осины, Мария постепенно убавляла шаг. Порыв ветра бросил ей в лицо пригоршню листьев. Она остановилась, легонько встряхивая листья, смотрела, как впереди уменьшается силуэт коровы, исчезала красная точка платка старухи. Красуля замычала, замотала головой. Старуха прикрикнула на неё, старичок тоже засуетился. Это запоздалое мычание мигом вышибло град слёз у Марии.

Корову увели неделю назад, а всё казалось, что будто вчера. В подойнике киснет всё ещё не цеженое молоко, на мосту, на лавке лежит маслénка с тряпкой, где то в загоне валется низенькая скамеечка, которую Мария приспособила для дойки. Ничего Марие не надо, пропало желание что то делать, о чём то заботится. Всю жизнь жила с коровой, а сейчас нет её. Вместе с заботой ушло и звание хозяйки коровы,

а значит и владелицы мяса, молока. Было за чем приезжать к ней сыну Ваньке и дочке Вальке. Приедут, сметаны возмрут, молока, каждый год телёнка убирали, а сейчас осталось только три курицы. Бросила им с крыльца миску зерна и скорей из пустого загона. Голова приболела, лежала Мария под одеялом целыми днями. Горячий чай попьёт с сухой малиной, да с чёрствым хлебом, тем и сыта.

Дети

Полное равнодушие овладело Марией, даже дети не особо беспокоили её. Они оба пристроены, живут в городе. Вообще то они исполнили главную мечту родителей – перебраться в город. У обоих есть дом, семья, работа. Всё же иной раз Мария сомневалась в правильности их выбора. Ей хотелось не совместимого: чтобы дети её жили в городе, (где есть школа, магазины, больница, асфальт) и чтобы она могла каждый день отнести им свежего молока, мяса, яичек, позвать на помощь в огород или на покос. Ещё её удручало, что Васька, сын подруги Фроськи, стал фермером. У него десять коров, две лошади, много овец, гусей, куриц. Он хозяин, на него работают, он всё равно, что прежний председатель Николай Иванович. Хотелось бы Марие вместо щуплого Васьки видеть своего Ваньку, пусть не такого высокого и широкоплечего, как его отец, но всё же выше фермера и шире в плечах. Работа сына считалась Марией примитивной – знай, крути баранку. И сам он с его весёлостью и беззаботностью казался матери пустым, легкомысленным человеком. Он приезжал раз в неделю, колол дрова, заносил воду, неловко топтался у дверей, ждал, когда мать наполнить его банки молоком или сметаной. При расставании он непременно напоминал, что пора бы ей перебираться в город, а здесь одной и страшно, и скучно. Мария морщилась, не довольна поджимала губы,

тяжело вздыхала, отворачивалась. Переезжать, конечно, надо, но не хочется. В народе говорят, что два переезда равны одному пожару. Это в молодости, когда душа человека ещё может вместить в себя нечто новое, не привычное. Для Марии сейчас переезд, это даже не пожар, – после пожара можно снова построиться и жить. А вне этого дома, этой опустевшей деревеньки Мария своей жизни не представляет.

Дочь приезжала реже. Всегда привозила хлеб, колбасу, конфеты, что либо по мелочи, вроде соли, сахара, спичек или ниток. Она мыла пол, заносила воду и тоже уговаривала мать переехать. В последний свой приезд, в начале сентября, Валька сняла с окон занавески, убрала половики, снова напомнила.

– Давай, мама, не тяни больше, в город переезжай. Домик мы тебе купили, от нас не далеко, магазин рядом, больница близко. А в домике я всё сделаю, как здесь. Занавески эти повешу, половики положу, лавку Мишка прибил, печь там стоит на этом же месте. Стены я зелёными обоями оклеила, как и здесь. На улицу не выглядывай, так и не заметишь, что не в деревне.

– На улицу не выглядывай, уши заткни, под одеялом сиди. – насупилась Мария. Хорошо ей, молодой и здоровой, прижилась в городе, не тянет на родину. Видела Мария тот домик: потолки низкие, печь узкая, палатой нет и перед окном пусто – ни кусточка, ни деревца не посажено.

Валька стояла рядом, виновато улыбалась. Деньги на дом

занимала, брата, мужа уговаривала, а мать всё не довольна. Сама уже не молоденькая, тоже седые волосы растут. Заметила Мария печаль дочери, успокоилась, смягчилась.

– Гераньку мою ещё возьми с собой, пусть она меня там встретит, – попросила.

– Да-да, – обрадовалась Валька, прижала горшок к груди. Полные когда то щёки опали, морщинки вокруг глаз прорезались. Платье синее в частых складках, на груди цветут васильки. Раньше это платье Любка, старшая внучка, носила, выглядело оно нарядным и модным. Сейчас у Любки другие платья, модные и нарядные, это она уже не наденет. И приходится Вальке за дочерью донашивать, чтоб сэкономить на домик. В своё время так же поступала Мария и мать её, Анна.

Животные

Без гераньки, занавесок и половичков стало совсем тоскливо в доме. Рыжий кот важно прошагает по лавке, берёза за окном шевельнёт ветками, разгонит на полу свою тень, курица прокудахчет над снесённым яйцом, да машина проедет по дороге. А когда то на этом доме в зыбке качались старшие братья Марии, потом и сама Мария и её дети: Валька с Ванькой. На лавке не редко сживали гости, играла гармошка, в круг выходили плясать бабы. Мужики частенько дрались, задирали обычно маленький, худощавый Егорка. Он так боялся, что его назовут трусом, что выискивал обиду даже при добрых словах. Её Иван никогда не дрался, а при случае только разнимал мужиков. Он просто подходил к драчунам, и те, как правило, прекращали драку. Её Ивана боялись и уважали, да и особой злобы мужики друг к другу не имели.

Мария помнит, как в первый раз покрасили пол, окна, оклеили стены, вместо газет, настоящими обоями. Как провели свет и купили новую мебель, затем купили радиолу, мотоцикл, телевизор. Как долго она живёт! Как много она помнит! Сколько раз они меняли коров, сколько у них перебывало собак и кошек! Воспоминания, словно фотографии. разворачивают перед ней прошлое со всеми радостями и горестями.

Как то весной, когда снег на полянках уже растаял, затаил-

ся лишь в глубоких ложбинках, Иван вернулся домой поздно вечером. Моросило. После долгой зимы шелест дождя по веткам берёзы, по крыше дома казался музыкой. Иван вошёл, осторожно ступая, по новому тогда мосту, смотрел загадочно, настороженно, придерживая что то за пазухой. С плотной ткани его плаща стекали крупные капли дождя. На кончике носа скопилась влага, срывалась прозрачной каплей вниз. Мокрая фуражка прилипла к темени. Сапоги с ошмётками грязи Иван оставил на мосту и прошёл по комнате на кухню в одних портянках. Они на ходу сползли с ног, растилались на половике широкой лентой. Муж всё прижимал руку к груди, на ходу утирая лицо то воротом плаща, то краем полотенца. Семейство шло следом за ним, томясь любопытством. Трёхлетний Ванька ковылял за руку с бабушкой. Валька шла следом, не сводя глаз с рук отца. Мария насупилась, она догадывалась о появлении нового жильца, а перспектива лишнего едока не радовала её. Анна тоже опасалась, что приобретение зятя расстроит дочь.

Иван положил на пол маленький, пищащий комочек, который приподнялся и сделал попытку снова спрятаться в тёплых руках человека. Иван погладил щенка, положил свою кепку вместо подстилки.

– У дороги нашёл, скулил очень, – оправдывался он, – пришлось взять.

Домочадцы сгрудились около найдёныша. Черноватый, неклюжий щенок ютился в кепке. Он лежал на боку, спере-

ди проглядывала белая шёрстка, уши торчком, круглые глаза слезятся, вроде плачут. Маленькие лапки и хвостик беспомощно прижаты к животу. Наверно, его кто то выбросил, как не нужного, хоть и оставил надежду на выживание. Все ждали решения хозяйки. Валька прижала кулачки к груди. Ванька не терпеливо мусолил верхнюю пуговицу рубашки. Анна стояла позади детей, готовая в случае необходимости встать на защиту зятя. Одна собака у них уже есть, но Иван хозяин, хороший работник, кормилец! Его слово – закон! А у дочки характер настойчивый, или упрямый, как выражается мать. Все ждали решения Марии, она задумалась, не решаясь сразу отказать. Откажешь, и растает радость в глазах ребят, помрачнеет муж – пока тёплый комочек нёс домой, прижимал к груди, успел его пожалеть, полюбить.

– Фуражку хоть, пожалей, – проворчала, кидая на пол старые Ванькины штанишки, вырос малец, всё равно не нужная тряпка. Засуетились все. Анна молочка в кошкину черепушку налила, дети присели, осторожно, одним пальчиком гладили щенка по спинке. Иван поднял фуражку, стряхнул её, пошёл вешать плащ. Мария уже с добрым сердцем смотрела на щенка, на его плотное туловище, лобастую голову, короткий хвост. Не похоже, чтоб его выбросили, наверно, Иван от собаки взял, да скрывает.

Черныш жил у них лет восемь. В августе Мария с Иваном домётывали стог в самом дальнем чертеже. Уже темнело, Черныш надрывно лаял в лесу. Иван всё чаще оглядывал-

ся в сторону старой, сумрачной ели, за которой раздавался жалобный, и в то же время угрожающий лай. Так лаял Черныш, когда боялся, но чувство долга заставляло его смело бросаться на незванных гостей.

– Волки! – догадался Иван и схватил топор, – я пойду, отобью!

– Куда ты? – испугалась за него Мария, – их там целая стая, оглянуться не успеешь – разорвут!

– Там наш Черныш! Меня зовёт!

Иван остановился в нерешительности. Согласись она, он бы с готовностью пошёл, и скорей всего его разорвали бы волки. Но, он мог вернуться и с добытым волком, а за его шкуру тогда давали сто рублей. Мария давно уже не девчонка: ей не герой нужен, а работник, спокойствие в семье.

– Придёт! – грубо оборвала она, – Черныш сам придёт.

Выходило, что Черныш один с волками справиться, а вдвоём с хозяином погибнут оба. Черныш продолжал лаять и скулить. Мария торопливо сгребала остатки сена, зорко следя, чтоб муж не пошёл в сторону старой ели. Ей тоже жалко Черныша, но в лесу темно, и за елью начинается болото, и волки злые и коварные. Последнею копну Иван метал медленно, а для Марии каждая секунда казалась вечностью. Быстрее домой, к детям, прочь от этого мрачного и опасного места. Мария быстренько заранее подобрала носилки, грабли. вилы, а он медленно обтёсывал стог сена, ровнял его.

– Пойдём уже! – не выдержала Мария.

– Подожди! – сердито ответил Иван. Он сердился на жену, сваливая на неё свою нерешительность. Своей медлительностью он хотел доказать ей, что не боится волков. Он тянул время, надеясь, что Черныш сам выберется из леса. Собака продолжала лаять всё тише и реже. Они уходили из чертежа, часто останавливались, оглядывались и прислушивались.

К утру Черныш вернулся домой, вся шея в крови. Он сам смог забраться на мост. Ребята снова присели около него, пытаясь накормить, напоить его. Черныш лежал неподвижно, отворачиваясь даже от мяса. К вечеру его не стало.

Всё неприятное и тягостное, связанное с моралью, с этикой, приходилось выполнять Марие. Ивану было совестно, не когда или просто не хотелось: котят ли выкидывать, в долги отказывать, в школе за Ванькины шалости отвечать или сейчас вот Черныша хоронить. Иван ходил сердитый, обвиняя в смерти собаки жену. Мария, чтоб его не тревожить, утащила вместе с Валькой собаку на обрубке доски за огород. Это уже не Черныш, а страшный комок падали пугал девочку, скатываясь в её сторону.

– Ой, мама, он на меня валится! – плакала Валька.

– Выше держи! – приказывала мать.

Потом у них ещё появилась собака, тоже чёрная, тоже называли Чернышём. Сейчас и та собака сдохла, остался один рыжий кот.

Какая я была тогда счастлива! вздыхает Мария, и сама не подозревала, какая я была тогда счастливая! Один миг той,

молодой жизни дороже целого дня сегодняшнего, одинокого и скучного существования. Даже когда Мария в лесу опасалась за жизнь мужа или когда внезапный дождик мочил их почти сухое сено, или просто она была чем то недовольна и гнев её изливался на мужа и детей. Тогда Мария жила полноценной жизнью, у неё была семья, была скотина. Сейчас дети живут далеко и отдельно, матери и мужа нет в живых, из живности остались только три курицы, да рыжий кот. Давно Мария ему молока не наливала. А кот мышь притащил, положил её на середину комнаты – полюбуйся, мол, хозяйка, одари за службу молочком. Мария ноги на пол опустила, на кота шикнула.

– Брысь, окаянный, убери эту дохлятину! – Всё же сходила на кухню, плеснула в черепушку прокисшей простокваши. Кот добычу убрал, кислятину вылакал.. Сколько смеха бывало раньше, когда кот вот так же приносил мышь.

– Кот притащил показать нам свою добычу! – непременно замечал Иван, – знать, не даром мы его кормим.

Иван непременно гладил кота по спине, приседал перед ним на корточки посмотреть на мышь, большая или маленькая? Он бы громко потребовал, хотя Мария и сама не против налить коту молока.

Иван был Жизнелюбом. Всякую мелочь дотягивал до события, вводил в орбиту своей радости всех людей. Дети присаживались на корточки, смотрели, как кот лакает, тоже гладили его по шерстке. А одной Марии скучно, вот бы Иван

был жив, пусть бы больной, даже лежачий, но он свидетель ее юности, ее жизни.

Непостоянство Ивана

Когда то давно из всех знакомых девушек он выбрал именно её, Марию. Да и он был не плохим – из всех деревенских мужиков Иван выделялся силой, статью, разумностью своих слов и миролюбивым характером. Все бабы деревенские заглядывались на него, и нередко он отвечал им взаимностью.

Как то летом, всю ночь бродил где-то. Посевная закончилась, картошка окучена, косить ещё рано – вот и загулял мужик. Пошёл по чертежам, будто траву на покосе посмотреть, а вернулся чуть пьяненьким под утро. Мария уже с утренней дойки вернулась. Сапоги в глине измазаны, с фуражки листок клевера свисает, к светлой рубашке травинки прилипли, а по воротнику муравей ползёт, брюки тоже грязные, мятые.

– Всё проверил, трава хорошая! – бодро заявил он прямо с порога.

– Хоть бы детей постеснялся, – хмуро ответила Мария. Для Вальки и для Ваньки отец и такой всё равно был лучше всех. Ревности матери они не разделяли. Пьяненького отца они даже лучше любили: он тогда больше шутил с ними, смеялся. Опасаясь гнева матери, они смирененько уселись за стол, пережидая её бурные тирады.

– Хорошая трава, хорошая, – продолжал толковать

Иван, – клевер там даже растёт, мышьяк, тимофеевка, герань.

– То-то клевер высоко растёт! – вспылила Мария, смахивая травинку с его фуражки, – и муравьи высоко летают, по рубашке ползают.

– Муравьи внизу, ползают, – не понял Иван.

– Где внизу? В штанах что ли? Всё „хозяйство“, твоё, поди, подъели?

– Тебе осталось, – смеялся он, оседая на лавку и убирая муравья, перебравшегося ему на шею.

Ребятня за столом, знакомая с деревенской терминологией, приглушённо засмеялась. Анна прикрикнула на них, услала за озеро, собирать землянику. Нечего им слушать разговоры взрослых, смотреть на пьяного отца, которого отчитывают, как ребёнка. И так его не боятся, а потом совсем слушаться перестанут. Да и сама тоже скрылась подальше от семейного скандала ушла в огород. Иван не бушевал, не дрался, Мария тоже тарелки не била, но Анна уже не пыталась примирить супругов, защищая обычно зятя, как делала это раньше. В семье дочери она ощущала себя на положении ребёнка, зависимого от родителей. Ибо силы уже не те: она не могла, как раньше работать наравне с Марией, и по семейной иерархии статус её понизился. С уходом тёщи Иван осмелел, не докучала она ему нотациями, а всё же он её стеснялся. В пьяную голову чего не взбредёт, он стал угрожать Марие: снял широкий, солдатский ремень с тяжёлой бляхой, крутил

его в руке.

– Они мне радые, вот! – накалял он себя, – а ты мне не радуешься.

Мария мужа нисколько не боялась. Иван только пугает, слова его не воспринимала всерьёз.

– Кто рад? Пчёлы? – Мария заметила, летающую по комнате пчелу. Та громко жужжала, летала возле печки, – пусть ужалит твоё „хозяйство,,

– Бабы! Бабы мне радые! Та же Зойка на руках меня готова носить. Лишь бы я прикоснулся к ней.

– Чем прикоснулся? И нашёл кого? Зойку! Она на любого бросается, кто в штанах ходит и хоть раз в неделю трезвым бывает.

Маленькую, худенькую Зойку Мария и за бабу не считала, так подросток-недоросток. Две доски сбыты, да она прибиита. А Иван, её Иван вздумал сравнить их, и даже, пусть на короткое время, отдать ей своё предпочтение! Мария тоже ушла в огород, сердито хлопнула дверью. Работать после ссоры нет ни какого желания. Мать огурцы поливает, вода ещё с вечера наношена. Мария на окрошку луковое перо нащипала. В начале лета одной лишь окрошкой и питались: лук, картошка, яйца, огурцы, да квас со сметаной. Перо широкое, ещё желтеть не начал, нащипала крайних полную горсть, хватит, мужика можно не кормить – не заслужил. Ишь чего, добрых слов захотел, ласковых, а с чего её ласковой быть? Где силы взять? Устаёт на ферме, еле-еле до кровати допол-

зает. Да и молодость давно прошла, с чего бы ему „суси-пуси,, захотелось? Минут через двадцать вернулась, а Иван висит на заборке. Ноги до пола хорошо достают, а ремень по подбородку протянут, подвешен на крепкий гвоздь. Притворился мужик, будто задавился: руки беспомощно свесились, рот открыт, и язык высунул Тяжело ему, наверно, так, на цыпочках стоять? Пусть постоит, сойдёт ему вместо наказания. Остановилась Мария у порога, насмешливо наблюдала, что же мужик её будет дальше делать? Долго ли так повисит? С высунутым языком то не больно сладко стоять. А тут ещё пчела вьётся, вот-вот на язык ему сядет, ужалит. Будет ходить с высунутым языком, будет знать, как жену обманывать, с чужими бабами путаться. Пчела всё ближе, вот-вот на язык ему сядет. Сейчас ужалит, и Иван её говорить не сможет, есть не сможет....

И тут Марию, словно молнией пронзило – так он и дышать не сможет? Опухнет же всё во рту! Кинулась к мужу, быстро рот ему рукой прикрыла, на пчелу замахала, расплакалась, словно и правда, только что смерть промчалась мимо. Поразному могло случиться и по глупости люди погибают. Гладила мужа по плечу, тёрлась щекой об его подбородок. Сняла петлю из ремня, закинула её далеко под кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.